

ШКОЛА И КАК В НЕЙ ВЫЖИТЬ

ВЗГЛЯД ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Млодик Ирина

ШКОЛА И КАК В НЕЙ ВЫЖИТЬ
Взгляд гуманистического
психолога

6-е издание (электронное)

Москва
2016

УДК 331.1:159.9

ББК 88.4

М727

Млодик, И. Ю.

М727 Школа и как в ней выжить: взгляд гуманистического психолога [Электронный ресурс] / И. Ю. Млодик. — 6-е изд. (эл.). — Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 182 с.). — М. : Генезис, 2016. — (Родительская библиотека). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10".

ISBN 978-5-98563-398-6

Автор делится с читателями своими размышлениями о том, какой должна быть школа и что нужно делать для того, чтобы ученики считали образование интересным и важным делом, выходили из стен школы готовыми к взрослой жизни: уверенными в себе, коммуникабельными, активными, творческими, умеющими защищать свои психологические границы и уважительно относиться к границам других людей.

В чем особенность современной школы? Что могут сделать учителя и родители, чтобы у детей не пропадало желание учиться? Ответы на эти и многие другие вопросы вы найдете в этой книге.

Издание предназначено для родителей, учителей и всех тех, кому небезразлично будущее детей.

УДК 331.1:159.9

ББК 88.4

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Школа и как в ней выжить: взгляд гуманистического психолога / И. Ю. Млодик. — М. : Генезис, 2008. — 184 с. — (Родительская библиотека). — ISBN 978-5-98563-127-2.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-98563-398-6

© Издательство «Генезис», 2008

Дорогой читатель, благодарю тебя за интерес к детской психологии и моим книгам, за теплые отзывы, новые знакомства и расширяющиеся возможности сотрудничества. Это так вдохновляет!

Я хотела бы выразить большую признательность моей семье за терпение, поддержку и любовь.

Я благодарна всем учащимся и сотрудникам московской школы «Золотое сечение», оказавшим мне неоценимую помощь в создании этой книги. А также лично: Елене Яковлевне Гвирицман, Алексею Леонидовичу Куликову, Ирине Борисовне Нефедовой, Дине Григорьевне Шехтман, Наталье Георгиевне Беловой, Янине Игнатьевой, Вячеславу Викторовичу Будилину и Алине Козловой.

Я очень благодарна Марине и Грегори Эббот, Ларисе и Эдмунду Йорх за их удивительное гостеприимство и заботу.

Спасибо и моим школьным учителям, они хотели научить меня только самому лучшему.

Вместо предисловия

Идея этой книги начала созревать во мне давно, около десяти лет назад. Я искала подходящую школу для своего ребенка и была вынуждена столкнуться с разными типами общеобразовательных учреждений, учителей, подходов к обучению. В это же время я, как психолог, пришла к выводу, что у детей, попадавших ко мне на коррекцию и психотерапию, были два основных источника психологических травм: собственные родители и школа.

Как правило, все молодые специалисты отличаются энтузиазмом и наивностью. Я не была исключением и полагала, что как психолог должна не только исправлять последствия психологических травм, но по возможности выявлять и устранять причины, их вызывающие. Мой энтузиазм не иссяк и сейчас (иначе я бы никогда не взялась за эту книгу, также как и за «Книгу для неидеальных родителей..»), а вот наивности за годы работы, конечно, поубавилось. Ведь вначале я думала, что если объяснить родителю, как можно «искалечить» ребенка любовью, он перестроит свою линию поведения, если показать, какие они — дети, и чего именно ждут от взрослых, то взрослые их поймут, и все изменится. Также мне казалось, расскажи я о том, что помогает ребятам учиться, а что вызывает в них протест, то учителя меня услышат, смогут приспособиться к собственным ученикам, и наступит счастье.

Наивно? Конечно! Родителю, чтобы что-то изменить в отношениях с собственным ребенком, мало понять, что именно следует изменить, нужно еще проделать колоссальную работу по осознанию себя, по отслеживанию собственных чувств,

по изменению собственных весьма жестких установок, идущих еще из детства. Это тяжелый труд, на который способен далеко не каждый (точнее, очень немногие).

В школе все еще сложнее: психологическое здоровье отдельно взятого учителя, осознанность его действий и центрированность на учебных потребностях школьника в целом мало что меняют в жизни ученика (хотя и эта малость — настоящая драгоценность для отдельно взятого школьника). За спиной у педагога система — малоподвижная, консервативная, жесткая, и пробовать изменить ее усилиями одного психолога, конечно, наивно.

Поскольку я не педагог (хотя являюсь преподавателем в высшей школе), я не претендую на истинное знание о том, как правильно учить детей. Я смотрю на школу глазами психолога, смотрю, безусловно, субъективно, привнося сюда как свой родительский опыт, так и опыт профессионала, выбравшего гуманистические методы для своей работы.

Я хотела бы поделиться с вами своими размышлениями, в надежде найти единомышленников среди родителей, детей, учителей, психологов. Одному, конечно, невозможно изменить мир, если речь идет не о голливудском кино. Но я убеждена в том, что группа единомышленников способна создавать новое, которое могло бы существовать в соответствии с ценностями большинства. А большинство способно создать новую и жизнеспособную систему, даже новую систему педагогики. Я верю в это с неостывающим энтузиазмом и уже недетской наивностью, потому и взялась за настоящий проект — эту книгу.

Ирина Млодик

ШКОЛА

Школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует.

Альбер Камю

Школа — это не только место (пространство), куда приходит растущий человек, чтобы получать знания. Это огромный промежуток времени (если рассматривать его в масштабе всего детства), который проводит ребенок в этом самом месте. Школа — это сеть отношений, в которые вовлечены все мы ежедневно и ежечасно. И это система, организованная и живущая по своим законам, формирующая и изменяющая каждого, кто является ее частью. В конце концов, школа — это процесс, и не только процесс образования и становления...

*Мне всего шесть лет, и все домашние собираются на семейный совет. Главный вопрос на повестке дня: **хочу** ли я пойти в школу этой осенью? Первая учительница моей сестры набирает новый класс. Очень удачно: можно отправиться в ту же школу к знакомому педагогу. Меня спрашивают, хочу ли я этого. Я не знаю, хочу или нет, потому что вообще не знаю, что такое школа. Я представляю себе большие комнаты, как у нас в детском садике, заполненные детьми-учениками, и строгую учительницу, которая следит за тем, как мы себя ведем. Картинка не очень отличается от того, что происходит в саду, но от родителей и сестры я знаю, что школа — это большая ответственность. Поскольку я боюсь в своей шестилетней жизни всего нового и на самом деле меня пугает эта ответственность, то в школу идти я скорее боюсь. Мне*

хочется зацепиться за мамины слова: «она же еще маленькая и так часто болеет», но я знаю, что папа будет недоволен. Он, похоже, все давно решил. Мне ничего не остается, кроме как согласиться.

Меня приводят к той самой учительнице на какие-то экзамены или тесты. И, несмотря на то что к своим шести годам я умею читать, писать и знаю таблицу умножения, меня просто парализует от тревоги и ответственности. Учительница строга, отбор в школу серьезен, я не должна подвести папу. В те времена — это лучшая школа в городе, «английская», с самым высоким процентом поступления в ВУЗы. Несмотря на охвативший меня ужас, я все же выполняю задания, и меня принимают. Я не помню, обрадовал ли меня сей факт или нет, помню только чувство огромного облегчения от того, что собеседования и тесты заканчиваются.

Воспоминания о начальной школе обрывочны: только отдельные эпизоды и ощущения. Из-за маленького роста я сижу на первой парте, прямо напротив учительского стола. Основное чувство на протяжении долгих трех лет — страх, переходящий в ужас, когда учительница повышает голос (а делала она это регулярно), полный ступор, когда она, рассердившись, бьет указкой или кулаком по своему (слава Богу!) столу, бьет так, что подпрыгивает даже моя парта. И еще: я до сих пор отчетливо помню состояние жуткой паники, когда надо было выходить к доске. Я стою перед классом и отвечаю совсем тихо, потому что ужас заполнил каждую клетку моего маленького существа. Меня прерывает ее разъяренное: «ГРОМЧЕ!» Я впадаю в столбняк и могу выдавить из себя лишь мучительный шепот. Ее очередное «ГРОМЧЕ!» ввергает меня в состояние полного паралича, и я вообще уже не могу ничего сказать. Под язвительные комментарии моей учительницы и смех одноклассников я отправляюсь на свое место и хочу только одного: стать невидимкой, чтобы никто меня не замечал, не заставлял говорить громко и с выражением, не унижал и не стучал по моей парте. Но мне предстоит пережить еще три года постоянного сверхчеловеческого напряжения, от которого я спасаюсь лишь тем, что непрерывно болею.

Моя первая учительница была замечательной женщиной, носила звание «почетный учитель». Она отдала школе всю свою жизнь. Она учила нас, как умела, как считала нужным и правильным. Все в нашем классе выучились читать, писать, вычитать и делить, и, наверное, многие ей за это благодарны. Но теперь, уже будучи взрослой, я совершенно убеждена, что могла научиться этому и не

заработав невроз, последствия которого придется расхлебывать всю оставшуюся жизнь. Я уверена, что учить детей хорошо и «правильно» можно не только манипулируя их чувствами, внушая страх, подавляя в них личность, целиком подчиняя себе и своим целям. Я знаю, что дети значительно эффективнее учатся в атмосфере уважения, поддержки и принятия. Они легко, без всякого страха, следуют за учителем, когда им интересно и когда они понимают, для чего нужны все эти знания, которые взрослые почему-то считают важными априори.

Вот послание, которое я вынесла из своей школьной жизни:

«Будь послушной, усердной, старайся, много работай! То, что сказали взрослые люди до тебя, значительно правильнее всего того, что можешь сказать ты. Есть непреложные истины, которые тебе следует знать, не оспаривая и не подвергая их сомнению. Будь прилежной, исполнительной, следуй установленным правилам, слушай старших и усердно учись! Только тогда ты избежишь недовольства представителей взрослого мира и, возможно, даже получишь поощрение».

Что интересно, оно усвоилось значительно прочнее, чем многие знания, вбивавшиеся в мою голову с немалым напором. Знания забылись, послание всегда со мной. Да, оно до сих пор помогает мне быть усердной и много работать, но делает ли это меня счастливой? Кроме того, только мои психотерапевты знают, какие сверхчеловеческие усилия мне пришлось приложить, чтобы позволить себе иметь право на собственное мнение, чтобы научиться видеть мир не только таким, каким он уже описан в книгах, чтобы когда-нибудь разрешить себе звучать.

«Время было такое», — скажут некоторые. Кого еще должны были готовить школы в эпоху социализма, тем более в период застоя? Конечно, исполнителей: послушных, усердных, внушаемых, способных без сомнений и колебаний разделять и поддерживать нужные стране идеи. Те немногочисленные творцы и люди, которые видели не только то, что позволено партией, объявлялись либо диссидентами, либо маргиналами, либо сумасшедшими. Смотреть на мир не через призму коммунистических идей было явно неадаптивным

поведением и каралось как минимум постепенным выдавливанием из сообщества, как максимум — психиатрическим лечением. По иронии сложившихся обстоятельств в нашей стране лечили чаще всего тех, кто был наиболее здоров.

Как все начиналось

Школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министры могут только мечтать.

У. Черчилль

В большевистской России все начиналось, как всегда, с весьма светлой идеи: сделать все население нашей необъятной Родины грамотным, для чего в 1919 году был издан декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». По этому декрету «все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию». Хорошую и весьма гуманистическую идею, как и многие другие, столь же светлые идеи, большевизм исковеркает позже, используя их в своих политических целях.

Реформа образования, узаконенная в октябре 1918 года декретом «О единой трудовой школе», основывалась на вполне прогрессивных и здравых мыслях:

- демократичность (бесплатность, общедоступность, светскость);
- преимущество (творческая интерпретация весьма прогрессивных педагогических идей зарубежной и отечественной педагогики);
- гуманистические подходы к свободному развитию личности;
- целостность.

Но времена экспериментов и педагогических новаций в молодой республике быстро заканчиваются. Большевики, стоящие у руля огромного государства, понимают, что школа — это не просто элемент образовательной системы. Это главный государственный институт, «создающий» гражданина и воспроизводящий общество, так называемый «консервативный «генетический аппарат» культуры» (С.Г. Кара-Мурза. Советская цивилизация. Том I). И школа становится главным идеологическим учреждением, в котором, исходя из тоталитарной идеологии, вводится единообразие программ (во все не для того, чтобы обеспечить надлежащий уровень образования). В советской школе унифицируются формы обучения, напроочь забываются светлые идеи декрета «Об учете индивидуальных особенностей детей», поскольку всем детям России предстоит стать общей народной единицей — «советским гражданином». Вскоре также забываются идеи о самоуправлении учащихся, школой чуть позже будут напрямую управлять Партия и Комсомол.

Таким образом, к началу тридцатых годов назревшее противоречие между концепцией трудовой школы (в которой были заложены такие ценности, как ориентация на развитие личности ребенка, установка на его творческую деятельность, стремление гармонизировать запросы общества и интересы отдельно взятого человека) и задачами тоталитарного государства полностью разрешается в пользу государства. Большевистское правление берет школу под жесткий централизованный контроль, отныне регламентируя все учебно-воспитательные процессы.

Школа миллионными тиражами начинает выпускать «советского гражданина», укомплектованного не только общими знаниями, но и соответствующей идеологической начинкой, сформированного с жестко определенными задатками, взглядами на мир, психологией. Все, кто «не подходил» под заданные советским государством стандарты, окончательно истребляются во времена сталинизма.

Каковы же были качества того самого «советского гражданина»? «Преданность коммунизму и непримиримость к его вра-

гам, сознание общественного долга, активное участие в труде на благо общества, добровольное соблюдение основных правил человеческого общежития, товарищеская взаимопомощь, честность и правдивость, нетерпимость к нарушителям общественного порядка... забота об общем благе народа, о всестороннем развитии человеческой личности в условиях коллектива», — из доклада Н.С. Хрущева на Внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза. И это уже «оттепель»! А если вспомнить историю, пробежаться по книгам и фильмам той эпохи и, очистив сознание от пропагандистской шелухи, посмотреть на советского человека глазами психолога, очевидно, что он должен был:

- быть максимально приспособленным для идеологических и политических манипуляций;
- не иметь своего мнения, отличающегося от мнения партии и правительства;
- не задавать провокационных вопросов и вообще не задаваться вопросами;
- всегда быть довольным тем, что есть, и никогда не хотеть большего;
- много работать исключительно из рабочего энтузиазма, а не ради личной наживы;
- быть идейно выдержанным, а значит, не подвергать сомнению ценности социалистического строя;
- быть творческим в жестко заданных рамках;
- всегда ставить коллективные цели выше своих собственных;
- не выделяться ни лично, ни профессионально (можно выделяться только по партийной линии, то есть выделяться в своем послушании).

Все эти качества присущи *авторитарной психологии*, согласно которой один человек (некий авторитет) определяет, что хорошо для всех, он же изобретает и утверждает законы и нормы поведения. И если основные мотивы этого авторитета — получение и удержание собственной власти, то все законы и нормы будут создаваться и поддерживаться только ради этого, а не для прогресса или здоровья общества. Более того, автори-

тету выгодно постоянно внушать людям, что сами они не способны создавать и поддерживать моральные нормы и ценности, то есть, говоря проще, отличать добро от зла. Одними из самых больших грехов авторитарной психологии являются неповиновение и неуверенность в праве авторитета на управление всеми, на установление норм, сомнение в том, что эти нормы — самые лучшие.

По законам авторитарной этики и психологии росло и крепло молодое советское государство, усиливая собственную власть за счет запугивания жителей сначала внешним, а потом и внутренним врагом. Страх, стыд и вина — вот те таинственные кнопки в душах каждого, на которые так активно нажимали большевики вплоть до самого застоя. Эти кнопки безотказно работали и включали все нужные манипулятивные схемы по удержанию власти в огромной стране.

Конечно, практически любое общеобразовательное учреждение в советской России тех времен было слепком с государства. Школа не могла остаться хоть сколь-нибудь гуманистической, как изначально задумывал ее Луначарский. Собственные законы и нормы, которые была бы способна создать и которым могла бы следовать конкретная школа, психологическая независимость и раскрытие своего потенциала всеми участниками обучающего процесса, их забота о благополучии отдельно взятого человека, а не всего социалистического общества в целом, — все это не только не подходило для авторитарного государства, но и было чрезвычайно опасным. И гуманистическая этика на долгие годы покинула просторы Советского Союза.

В школе воцарился авторитаризм. Все, от директора школы до первоклассника, стали объектом, вещью государства. Вещь считается хорошей, если она соответствует требованиям того, кто ее использует. «Хорошими» назывались лишь те школы, директора, учителя и ученики, которые соответствовали идеологическим требованиям государства, те, кто был управляем, послушен, чьи сердца и головы разделяли социалистические ценности и никогда, ни при каких обстоятель-

ствах не ставили их под сомнение. «Плохие» быстро переставали существовать.

В этом смысле слова Камю о том, что *«школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует»*, взятые мной в качестве эпиграфа к этой главе, сочли бы в те времена неверными. Наша школа идеально готовила своих учеников для жизни в реально существующем социалистическом лагере. Она выпускала практически идеальную модель гражданина, приучая его быть послушным, исполнительным, трудолюбивым. Во всяком случае, из меня, не бунтаря по натуре, получился практически идеальный советский человек. Чем я, вероятно, могла бы гордиться в прежние времена. Сейчас же мне приходится тратить немало времени и сил на то, чтобы произвести ревизию в «наследстве», оставленном мне школой и государством, и избавиться от того, что теперь мне не позволяет жить счастливо и свободно, сохранить то, что было полезным и подходящим, и разобраться в том, как отделить хорошее от плохого.

Школа переходной эпохи

Школа — это заведение, где детей учат нужному и ненужному впере­мешку, всячески мешая им отличать одно от другого.

Виктор Кротов

К концу XX века социалистическое государство неожиданно (для нас, простых советских граждан) дало трещину и в считанные месяцы расплозлось по швам. Вместе с социалистическими ценностями пошатнулись нравственные устои и идеологические основания. Исчезла с лица российской земли прежняя коммунистическая партия, долгие годы указывавшая, как нам жить.

К тому времени я уже окончила институт, у меня была семья и собственный ребенок. Но я помню растерянность и тревогу, охватившие меня, когда я услышала о роспуске компартии. Разум твердо знал, что это должно было произойти. В глубине души мой «взрослый» гордился тем, что на его глазах наконец творится История, и чувствовал свою колоссальную ответственность за это. Но маленькая девочка—ученица хорошей английской школы испытывала настоящий ужас перед грядущим, в котором теперь не существовало никаких твердых ориентиров, никаких однозначно заданных ценностей, никаких твердых оснований.

Наступивший хаос и «разгул» только укреплял этот глубоко спрятанный страх. Страна несколько весьма бурных лет походила на огромную компанию подростков, первый раз собравшихся на даче без родителей. Страна хотела попробовать все, что ей так долго запрещалось: иные мнения, иные партии, частную собственность, индивидуальную деятельность, рыночную экономику, свободу слова и творчества и многое-многое другое, отнюдь не всегда здоровое и прогрессивное. Теперь каждый должен был самостоятельно решать вопросы добра и зла. На первых порах это казалось более сложным и непривычным, чем поступать исходя из чьих-то прежних и якобы априори «правильных» представлений.

Законы авторитарной этики переставали работать, а правила и нормы новой этики еще не сложились. Неудивительно, что очень скоро многие стали мечтать о возвращении «сильной власти», не в состоянии перестроить собственную психологию, психологию подчиненности, которая при всех ее издержках так хорошо создавала иллюзию защищенности и безответственности.

Каково же было школе в эти сложные времена? Не имеющая себе равных консервативность системы образования давала ей возможность оставаться стабильной и по-прежнему учить и воспитывать детей, несмотря на затянувшуюся штормовую политическую «погоду» в стране. В этом, на мой взгляд, большая заслуга школы того периода. Из-под ее ног выбили

почву, отменив пионерскую организацию и комсомол. Школа вынуждена была находить собственные нравственные основания и ориентиры, на которые опирались бы учителя и которые транслировались бы детям. Именно в тот момент, когда заданность сверху сменилась необходимостью личного нравственного и профессионального выбора, школа стала более «персональной». Личность директора и учителя стала основополагающей и атмосферосоздающей.

Каждая конкретная школа постепенно, и чем дальше, тем все больше, становилась отражением личности ее директора и педагогического коллектива. Вносить серьезные изменения в сам учебный процесс отваживались только учителя-новаторы, исчислявшиеся десятками на многомиллионную Россию, так что сам обучающий процесс практически оставался неизменным, но вот подход к детям, мировоззренческий и нравственный контекст теперь во многом задавались нюансами педагогических взглядов на тот или иной предмет.

Вскоре был издан Закон об образовании, объявивший о «свободе и плюрализме в образовании», провозгласивший «демократический, государственно-общественный характер управления образованием», разрешивший частные школы и закрепивший на бумаге различные принципы нового образования, в том числе гуманистические: «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье».

Школьная система наконец получила узаконенную свободу. Свободу «от...» или свободу «для...»?

Школа настоящего

Школа — это место, где шлифуют
бульжники и губят алмазы.

Роберт Ингерсолл

Школа настоящего, окончательно расставшись с социалистической идеологией прошлого, однако не спешит расставаться с прежней авторитарной психологией и этикой. Ученик, как и много лет назад, — объект обучения. Учитель — субъект. Субъект обучает объект. Тот, кто знает, рассказывает тому, кто не знает. Учитель требует, ученик исполняет требования, по-прежнему желательного беспрекословно и не задавая лишних вопросов. Один — главный и всегда вверху, «над». Другой — подчиненный и всегда внизу, «под». Так было во все времена. Неужели может быть как-то иначе?

Школа настоящего является, по-моему, оплотом консерватизма до сей поры. И я употребляю это слово вовсе не в негативном аспекте (мол, прогрессивное — все однозначно хорошее, а консервативное — однозначно плохое и устаревшее). В консерватизме есть, безусловно, свои плюсы. Например, то, что в консервативных системах перемены происходят медленно и проходят неоднократную проверку, прежде чем претворятся в жизнь. Для психики ребенка это важно, поскольку детям необходима внешняя стабильность. Консерватизм позволяет сохранять традиции и устои, многие из которых значимы во все времена, а в более прогрессивных системах оказываются выброшенными на задворки. Кроме того, консерватизм проще и безопаснее. Это система, где все известно, все предсказуемо, все неоднократно проверено, все однозначно, одномерно... и бесперспективно.

Современная школа вполне благосклонно приняла свободу «от...» и отбросила от себя идеологическую чешую, слегка горя, но все же смирившись с потерей таких дисциплинообразующих структур, как пионерская и комсомольская орга-

низации. Но вот свободой «для...» пользоваться, на мой взгляд, не научилась за весьма редкими исключениями.

Складывается весьма удручающий парадокс. Общество продолжает динамично изменяться, хоть и не так бурно, как в переходный период. А школа во многом остается прежней. И вот теперь Камю становится правым в том, что современная «школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует». Скорее даже так: школа выпускает детей, плохо приспособленных к тому миру, где им предстоит жить.

Посмотрим, какие требования предъявляет общество к взрослому человеку, стремящемуся иметь жилье, стабильный доход, статус, признание и прочие атрибуты благополучия. Он должен:

- иметь независимую позицию;
- уметь принимать собственные решения и нести за них ответственность;
- обладать качествами лидера;
- быть в курсе всего нового, что появляется в информационном поле;
- самому быть законодателем нового, первооткрывателем в своем бизнесе или профессии;
- быть максимально креативным как в собственной профессии, так и в жизни;
- быть упорным и настойчивым в достижении собственных целей;
- иметь значительную устойчивость к стрессам и способность быстро восстанавливаться после полученного негативного опыта;
- быть уверенным в себе, осознавать собственные таланты и способности и умело реализовывать их в своей жизни.

То есть если в трех словах: *быть активным, плодотворным, независимым*. Это качества противоположные тому, что задает авторитарная педагогика: *быть пассивным, исполнительным* (реализовывать чужие идеи, а не генерировать собственные), *зависимым-подчиненным*. Получается, что школы, где субъект-

объектные отношения являются главными, где авторитарная педагогика по-прежнему процветает, выпускают детей, максимально не приспособленных к тому, чтобы стать успешными взрослыми настоящего времени. Вот вам и обратная сторона стабильности, безопасности и сопротивления переменам. Как точно сказал Н.А. Бердяев: «*Истинный консерватизм есть борьба вечности со временем*». Причем вечность при консерватизме всегда побеждает.

Разные типы современных школ

Притом, что школа по-прежнему остается весьма «персональной», то есть наделенной чертами и характеристиками ее педагогического состава, появляется некоторое своеобразие, формирующееся исходя из того, кто становится главным в школе и оказывает наибольшее влияние на все процессы. С этой точки зрения школы делятся на несколько типов.

Родительско-центрированная школа

Как мне надоело вызывать в школу твоих родителей! Уж лучше бы ты сиротой родился.

Высказывание одного учителя

Это школа, где родитель является фигурой, задающей, определяющей и контролирующей все процессы. Такой тип школ характерен в основном для частного, платного образования. На том основании, что родитель вносит определенную сумму за обучение, он решает (а школа потворствует ему в этом решении), что является хозяином ситуации и процесса. Отчетливо понимая, что деньги дают определенную власть,